

Исчезнувшая Улица

Андрей Апухтин

Исчезнувшая улица

«Автор»

2026

Апухтин А. А.

Исчезнувшая улица / А. А. Апухтин — «Автор», 2026

Лада, кот Барсик, бабушка Нина и Степан Варфоломеич открывают в подzemелье под домом Улицу Мастеровую — спрятанную триста лет назад вместе с домами, инструментами и чертежами. Десять мастерских — кузница, плотницкая, каменотёсная, переплётная, литейная, гончарная, ткацкая, шорная, бондарная, жестяная — целы и нетронуты. В мастерской Тихона Варфоломеева Лада находит золотую печать — ключ ко всем дверям Старогорска, чертежи замков и журнал строителя. Печать открывает вход в главное хранилище под Серой горкой: подземный зал с куполообразным потолком, светящимся голубым светом, где книги, медные пластины и свитки сохранены триста лет. Летопись Старогорска проявляется на голубом свету — тайные чернила Тихона. Потомок Тихона, Алексей Варфоломеев, приезжает из Москвы с золотым ключом от главного хранилища. В фундаменте крепости на холме Лада находит каменную книгу — первую книгу Старогорска, которая читается руками, как Брайль. Добрый детектив для детей 7–11 лет.

© Апухтин А. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Старая карта	5
Улица Мастеров	11
Следы во дворе	16
Под пекарней	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Андрей Апухтин

Исчезнувшая улица

Старая карта

Степан Варфоломеич сидел у бабушки Нины на кухне и пил чай — медленно, маленькими глотками, как человек, который двадцать лет пил только подземную воду из источника и теперь заново учился пить чай. Чай был горячий, с мёдом, и пар поднимался от кружки, как маленькое облако, и Степан Варфоломеич смотрел на пар и улыбался — тихо, краем рта, как человек, которому вернули что-то очень важное и он ещё не верит, что это не сон.

Степан Варфоломеич выглядел лучше, чем под землёй — бабушка Нина отвела его в баню, дала чистую рубашку и старые брюки, которые были ему велики, и он сидел, подтянув пояс, как будто боялся, что одежда убежит. Борода его была расчёсана — бабушка Нина дала ему гребень — и блестела, серебристая, как ёлочный дождь. Голубые глаза смотрели вокруг — на стены, на полки, на окна — с выражением, которое бывает у человека, который вернулся из долгого путешествия и видит обычные вещи так, будто видит их впервые.

Лада сидела напротив и ждала. Барсик лежал под столом, положив морду на лапы, и наблюдал за Степаном Варфоломеичем одним глазом — жёлтым, не мигающим, как фонарь. Бабушка Нина хлопотала у плиты — пекла блины, и запах — тёплый, масляный, домашний — наполнял кухню, и за окном светило осеннее солнце, и всё было так мирно и тихо, что казалось, будто подземелья, завалы и ночные стуки — всё это приснилось.

Но Степан Варфоломеич был настоящий. И ящик, который он принёс с собой, стоял на столе — медный, старинный, с зелёной патиной по углам, с медным замком, тусклым от времени. Маленький, тяжёлый, с гравировкой на крышке — восьмиконечная звезда и надпись, которую Лада не могла разобрать. Ящик был открыт — Лада открыла его медным значком из первой книги, и внутри были серебряный значок с восьмиконечной звездой и карта. Карта подземных ходов Старогорска — на тонкой пожелтевшей бумаге, с линиями, знаками и буквами, которых Лада раньше не видела. Карта, которая вела к подземной библиотеке под рекой — хранилищу, где строители города спрятали память Старогорска триста лет назад. И кое-что ещё — Лада заметила на карте странный знак, которого не было раньше: контур улицы, перечёркнутый крест-накрест, с надписью «Засыпано. Не искать».

«Засыпано. Не искать», — прочитала Лада вслух и нахмурилась. Она сидела, склонившись над картой, и водила пальцем по линиям — тонким, коричневым, как следы от карандаша, которым рисовали триста лет назад. Карта была нарисована от руки — аккуратно, с деталями, с подписями старославянской вязью, которую бабушка Нина кое-как разбирала. На карте были обозначены подземные ходы — от дома под двором, под улицей, к реке. Хранилище под рекой. И — странная улица, перечёркнутая крест-накрест.

«Бабушка Нина, что значит «засыпано»?» — спросила Лада, не отрывая глаз от карты. Бабушка Нина подошла, поправила очки и наклонилась. Она смотрела долго — минуту, две, три, водя пальцем по линиям, как Степан Варфоломеич водил по буквам в подземелье. «Эта улица, — сказала она наконец. — Старая улица. Я вижу — на карте подписано: «Улица Мастерская». Она была здесь, в Старогорске, триста лет назад. Потом исчезла. Просто исчезла — как будто её не было. В архивах сказано: «улица Мастерская упразднена за ветхостью в 1723 году». Но я всегда думала — странно. Улицы не упраздняют. Их разбирают, перестраивают, переименовывают. Но «упразднить» — это как будто стереть. Как будто её и не было».

Степан Варфоломеич поставил кружку и посмотрел на карту. Его голубые глаза — яркие, внимательные — сузились, как у человека, который увидел знакомое лицо в толпе. «Улица Мастерская, — повторил он, и голос его, обычно тихий и хриплый, стал твёрже. — Я искал её. Двадцать лет. Я нашёл подземный ход, нашёл хранилище, нашёл ящик — но я искал не ящик. Я искал улицу. Улицу Мастерскую. Я знал, что она существует — из старых документов, из записей Тихона Варфоломеева, строителя нашего дома. Тихон писал, что под Старогорском есть подземная улица — настоящая, с домами, мастерскими, инструментами. Что строители не разобрали её, а засыпали — спрятали. Засыпали землёй, как засыпают ров, и построили сверху новые улицы. Но старая улица — под землёй. Целая. Нетронутая. Триста лет».

Лада почувствовала, как сердце забилося быстрее — ровно, сильно, как барабан. Целая улица под землёй. С домами. С мастерскими. С инструментами. Триста лет — и никто не знал. Кроме Степана Варфоломеича, который искал её двадцать лет и не нашёл, потому что завал преградил ему путь. Но теперь завал разобран. И карта — вот она, на столе, в медном ящике, рядом с блинами и чаем. «Мы должны её найти, — сказала Лада, и голос её был тихим, но твёрдым, как камень. — Улицу Мастерскую. Под землёй. Мы должны её найти».

Степан Варфоломеич отодвинул кружку, положил ладони на стол и посмотрел на Ладу — серьёзно, внимательно, как человек, который взвешивает каждое слово. «Я искал двадцать лет, — сказал он. — Я прочитал все документы, которые нашёл в подземелье. Письма Тихона Варфоломеева, записи, чертежи. Тихон знал про Улицу Мастеровую — он сам был строителем, и его отец был строителем, и дед. Они строили дома на поверхности, а под землёй — под фундаментами, под дворами, под улицами — сохраняли старое. Мастерские. Инструменты. Чертежи. Всё, что было ценно, — прятали под землёй, чтобы не сгорело, не сгнило, не было украдено. А когда пришёл указ «упразднить» Мастеровую улицу — они не разобрали её. Они засыпали. Сверху насыпали землю, утрамбовали, и через год построили новые дома. А старая улица — осталась. Под землёй. Как ракушка на дне моря — целая, невредимая, только покрыта слоем песка».

Лада слушала и рисовала в блокноте — быстро, схематично, как она делала в первой и второй книгах. Дом, подвал, подземный ход, хранилище под рекой. И — где-то между, под двором или под улицей — Улица Мастерова. Перечёркнутая на карте, но целая под землёй. «Степан Варфоломеич, — спросила Лада, — а где именно? Где вход?» Степан Варфоломеич покачал головой. «Я не знаю. Карта показывает район — вот здесь, — он ткнул пальцем в карту, в место, где линии ходов расходились, как корни дерева, — но точный вход не обозначен. Тихон не записал. Может, нарочно — чтобы никто не нашёл случайно. Может, забыл. А может — вход не нужен. Может, улица сама открывается тем, кто ищет».

Бабушка Нина поставила на стол тарелку с блинами и села. «Я знаю один документ, — сказала она, и голос её был тихим и задумчивым. — В архиве — в папке, которую я собирала тридцать лет — есть запись от 1723 года. «Улицу Мастеровую засыпать, дома разобрать, жителей переселить». Но есть приписка — мелким почерком, на полях: «Не разобрали. Засыпали целиком. Инструменты и утварь оставлены в подвалах». Я читала эту запись и думала — бред. Кто в своём уме засыплет улицу целиком, с домами и инструментами? А теперь — вот. Карта. И Степан Варфоломеич. Двадцать лет поисков. Это не бред. Это — правда».

Лада не спала всю ночь. Не потому, что не могла — потому что не хотела. Она лежала в кровати, смотрела в потолок и думала. Целая улица под землёй. С домами, мастерскими, инструментами. Триста лет — и никто не знал. Барсик лежал рядом, свернувшись клубком, и мурчал — тихо, ровно, как маленький мотор, и это мурчание было успокаивающее, как тиканье часов, как шум дождя за окном. Лада держала карту под подушкой — не потому, что боялась, что пропадёт, а потому, что хотела чувствовать её рядом, как амулет. Утром, когда солнце встало и осветило комнату — золотым, осенним, тёплым светом, который бывает только в сентябре, — Лада встала, оделась и села за стол. Она разложила карту и стала изучать — с лупой, которую папа дал ей для «исследований», с карандашом и блокнотом. Карта была нарисована на тонкой бумаге — пожелтевшей, хрупкой, как крыло бабочки. Лада боялась её порвать, и положила на стекло от рамки, чтобы видеть каждую линию. Ходы на карте шли от дома — вниз, под двор, под улицу, к реке. Но в одном месте линии расходились — как развилка на дороге. Одна линия шла к реке — к хранилищу, которое они нашли во второй книге. Другая — сворачивала в сторону, под соседние дома, и заканчивалась тупиком. Но «тупик» на карте был обозначен не точкой, а знаком — маленьким квадратом с крестом внутри. «Засыпано», — прочитала Лада. И рядом — мелким почерком, едва различимым: «Вход через подвал дома 7 по Мастеровой». «Дом номер семь по Мастеровой! — Лада подпрыгнула на стуле, и Барсик, дремавший на кровати, поднял голову и посмотрел на неё с укоризной. — Барсик, тут написано — «вход через подвал дома номер семь по Мастеровой»! Но Мастеровую улицу упразднили триста лет назад. Значит, дома номер семь — нет. Или... или он есть, но называется по-другому?» Лада схватила блокнот и записала: «Дело 3. Исчезнувшая улица. Улица Мастерова — засыпана в 1723 году, целая под землёй. Вход — через подвал дома 7. Где дом 7? Найти. План: 1) узнать, где была Мастерова улица; 2) найти дом 7; 3) найти вход в подвал; 4) спуститься. Свидетели: Степан Варфоломеич (нашёл карту), бабушка Нина (знает архив), Барсик (разведчик)».

Лада побежала к бабушке Нине. Бабушка Нина сидела в своей квартире-музее, перебирала папки и что-то бормотала — тихо, себе под нос, как профессор, который читает лекцию пустой аудитории. Она подняла голову, увидела Ладку и сказала: «Я знала, что ты придёшь. Я не спала — думала про Мастеровую. И нашла кое-что». Она достала из шкафа старую папку — не ту, что показывала раньше, другую, тоньше, с надписью «Топография» чернилами, выцветшими до рыжего. «Карта Старогорска, 1710 год, — сказала бабушка Нина, разворачивая лист на столе. — За тринадцать лет до того, как Мастеровую засыпали. Вот — смотри».

Лада наклонилась. Карта была старая — старше, чем карта из медного ящика. Нарисована от руки, чернилами, на плотной бумаге, которая когда-то была белой, а стала серо-жёлтой, как старый пергамент. На карте — Старогорск, маленький, с крепостью на холме, с рекой, с улицами. И — вот она: «Улица Мастерова». Шла от центра, от площади, к реке — короткая, прямая, с десятью домами по каждой стороне. Дома были нарисованы квадратиками, с номерами — 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7... Лада ткнула пальцем в дом номер семь — и бабушка Нина кивнула.

«Дом номер семь, — сказала она. — Я проверила по современному плану. Мастерова улица шла вот здесь — через то, что сейчас улица Ленина, двор дома двенадцать и пекарня дяди Глеба. После засыпки на этом месте построили новые дома, и старая нумерация потерялась. Но — дом номер семь по Мастеровой стоял примерно там, где сейчас стоит пекарня дяди Глеба. Подвал пекарни. Если Тихон Варфоломеев не врал — вход в Улицу Мастеровую — через подвал пекарни».

Лада почувствовала, как по спине пробежал холодок — не страх, а возбуждение, как перед экзаменом, когда знаешь, что готов, но всё равно трясешься. Пекарня дяди Глеба — она была рядом, через два двора. Она ходила мимо каждый день и чувствовала запах хлеба — тёплый, свежий, как объятие. «Бабушка Нина, — сказала Лада, и голос её дрожал от нетерпения, — дядя Глеб! Он ведь знает свой подвал! Если там есть вход — он должен знать! Или не знать, но мы найдём!» Бабушка Нина улыбнулась — краем рта, как всегда. «Дядя Глеб знает свой подвал. Но он не знает, что под его подвалом. Пойдём к нему. Вместе».

Улица Мастеров

Они пошли к дяде Глебу втроём — Лада, бабушка Нина и Степан Варфоломеич. Барсик бежал впереди — рыжий, пушистый, с поднятым хвостом, как знаменосец, который ведёт армию. Осеннее утро было ясное, тёплое, солнце светило сквозь клёны, и листья — жёлтые, красные, золотые — лежали на дороге, как ковёр, и шуршали под ногами, как бумага. Дворы были тихие — дети в школе, взрослые на работе, только голуби ходили по асфальту, важные и деловитые, как маленькие чиновники.

Пекарня дяди Глеба стояла на углу — одноэтажный дом, старый, кирпичный, с деревянной дверью и вывеской «Хлеб. Печёное». Запах — тёплый, дрожжевой, свежий — шёл из двери, как приветствие, и Лада почувствовала, как живот заурчал — она не завтракала, ушла в спешке. Дядя Глеб стоял за прилавком — крупный, краснолицый, с большими руками, в белом фартуке, забрызганном мукой до локтей. Он увидел их и расплылся в улыбке — широкой, тёплой, как его хлеб.

«Лада! Бабушка Нина! И... — он прищурился, разглядывая Степана Варфоломеича. — А это кто? Новый жилец?» Бабушка Нина представила — коротко, без подробностей: «Степан Варфоломеич. Архивариус. Нам нужно посмотреть ваш подвал». Дядя Глеб удивился — поднял брови, как две рыжие гусеницы. «Подвал? Зачем вам подвал? Там мука, там мыши, там темно, как в колодце». — «Именно поэтому, — сказала бабушка Нина тоном, который не допускал возражений. — Нам нужно проверить одну гипотезу. Научную. Историческую. Это не займёт много времени».

Дядя Глеб посмотрел на Ладу. Лада посмотрела на него — серьёзно, с прищуром, как сыщик, который знает больше, чем говорит. «Дядя Глеб, — сказала она, — под вашей пекарней может быть вход в очень старое место. Триста лет. Мы хотим проверить. Если там ничего нет — мы уйдём и никому не скажем. Если есть — это будет важно для всего города». Дядя Глеб помолчал, почесал затылок — мукой, так что волосы стали белые, как снежные, — и сказал: «Ладно. Подвал — вот. Но аккуратно. И если что-то найдёте — мне скажите первым. Я хозяин, я должен знать».

Дядя Глеб повёл их в подвал. Дверь в подвал была за печью — тяжёлая, деревянная, с железной ручкой, чёрной от времени. Дядя Глеб открыл её — скрипнуло, как старая калитка, и за дверью была темнота и лестница — каменная, узкая, ведущая вниз. «Осторожно, — сказал дядя Глеб. — Ступеньки скользкие — я разливал воду, когда тесто замешивал. И низко — мне нужно наклоняться, а я не маленький». Он включил свет — лампочка под потолком, тусклая, пыльная, как в подвале у Лады. Они спустились — дядя Глеб вперёд, за ним бабушка Нина, потом Лада, потом Степан Варфоломеич, и Барсик — последним, тихо, крадучись, как замыкающий.

Подвал пекарни был больше, чем подвал дома Лады — длинный, с каменными стенами и сводчатым потолком, как в средневековом погребе. Вдоль стен — мешки с мукой, полки с банками, старые формы для хлеба — жестяные, потёртые, с вьёвшимся тестом. Пахло мукой, дрожжами и сыростью — тёплый, густой запах, как в желудке огромного зверя. Дядя Глеб стоял у лестницы и смотрел, как они ходят по подвалу — недоверчиво, но терпеливо, как хозяин, который пустил гостей и ждёт, когда они уйдут.

Степан Варфоломеич ходил по подвалу — медленно, осторожно, прикладывая ладонь к стенам, как слепой, который ищет дорогу. Он трогал камень, стучал костяшками — тихо, прислушиваясь, как врач, который выстукивает пациента. Лада наблюдала. Барсик ходил за Степаном Варфоломеичем — тенью, шаг за шагом, и его уши поворачивались, как антенны, ловя каждый звук. Бабушка Нина стояла у лестницы и держала карту — свёрнутую, в трубку, как диплом. «По карте, — сказала она, — вход должен быть в дальней стене. В северной. Дядя Глеб, что там, в дальней стене?» Дядя Глеб посмотрел — недоуменно. «Дальняя стена? Там мешки. Мешки с мукой. Я их давно не двигал — тяжёлые, и зачем, если мука не кончилась».

«Мешки нужно убрать», — сказала Лада, и дядя Глеб посмотрел на неё так, как смотрят на человека, который просит сдвинуть гору. «Эти мешки весят по пятьдесят кило каждый, — сказал он. — Их шесть штук. Триста кило. Я один не сдвину». — «Нас четверо, — сказала Лада и посчитала на пальцах. — И Барсик. Барсик не поможет таскать, но он будет морально поддерживать». Дядя Глеб посмотрел на Барсика. Барсик посмотрел на дядю Глеба. Между ними пробежала искра — не вражды, но недоумения, как между двумя существами, которые не понимают друг друга, но готовы попробовать.

Они таскали мешки — по одному, тяжело, кряхтя. Дядя Глеб брал мешок, как перо, — одним рывком, на плечо, и нёс к лестнице. Бабушка Нина не таскала — она держала фонарик и светила. Степан Варфоломеич таскал, но медленно — он был слаб после двадцати лет под землёй, и руки его дрожали, но он не сдавался, и Лада видела, как он стискивает зубы и несёт, и капли пота выступают на лбу, и борода трясётся. Лада таскала самый маленький мешок — он был ей по пояс, и она обнимала его, как бочку, и шла, шаркая ногами, и мука просыпалась и белой пылью оседала на её синем свитере.

Когда последний мешок был отставлен, Лада посмотрела на стену. Стена была — каменная, как и все стены в подвале. Но — другая. Камни здесь были крупнее, старше, с мхом по краям, и уложены были не так, как в остальных стенах — не ровно, а с наклоном, как будто стена была не стеной, а крышей чего-то. И в центре, у пола, был камень — большой, квадратный, с закруглёнными краями, как старинный кирпич. Точно такой, как в подвале дома Лады. «Вот! — крикнула Лада, и голос её отскочил от стен, как мячик. — Такой же камень! Как у нас! Это вход!» Степан Варфоломеич подошёл, присел, провёл пальцами по камню — и его голубые глаза загорелись, как две свечи. «Тот же каменщик, — прошептал он. — Тот же замок. Тот же ключ. Тихон Варфоломеев строил одинаково. Медный значок — попробуй, Лада».

Лада достала медный значок — он висел у неё на шнурке на шее, как медальон, и был тёплый, всегда тёплый, как будто внутри него горел маленький огонёк. Она приложила значок к стыку между камнем и стеной — туда, где щель была тоньше, как нить. И — подождала. Секунда. Две. Три. Камень дрогнул. Еле-еле, как сердце под кожей — мелкая вибрация, которую Лада почувствовала пальцами, а не глазами. «Шевелится! — выдохнула она. — Как тогда! Как в нашем подвале!» Дядя Глеб ахнул — громко, как будто его ударили. «Что?! Камень шевелится?! От значка?!» — «Тихо, Глеб, — сказала бабушка Нина спокойно, но глаза её блестели за стёклами очков. — Это не магия. Это механика. Старинный механизм. Тихон Варфоломеев был инженером».

Лада надавила на камень — обеими руками, как в подвале дома. Камень поддался — легче, чем дома, будто его открывали чаще, или он был лучше смазан, или просто ждал дольше. Камень скользнул внутрь и в сторону, как дверь, открывающаяся в стену, и за ним — темнота. Проход. Низкий, узкий, каменный, с сводчатым потолком — точно такой, как в подземелье под домом Лады. И из прохода шёл воздух — не сырой, не затхлый, а сухой, тёплый, с запахом, которого Лада не ожидала. Запах дерева. Сухого, старого, как доски, которые лежали сто лет

на чердаке. И — слабый, едва уловимый — запах железа. Ржавого, старого, как гвозди в старом заборе.

«Это она, — сказал Степан Варфоломеич, и голос его дрожал — от волнения, от слёз, от двадцати лет ожидания. — Улица Мастерская. Я чувствую — дерево, железо. Это мастерские. Я искал — двадцать лет. И вот — она. Здесь. Под пекарней». Он стоял перед проходом, и слёзы катились по его морщинам и падали в бороду, и голубые глаза были яркими, как два кусочка неба. Дядя Глеб стоял рядом, бледный, с открытым ртом, и фартук его был белым от муки, и он был похож на статую, которую забыли покрасить. «Улица? — повторил он. — Под моей пекарней? Улица?» — «Улица, — кивнула бабушка Нина. — Триста лет. Целая. Нетронутая. Под вашей пекарней, Глеб».

Дядя Глеб не пошёл с ними. Он стоял у входа, бледный, и повторял: «Улица... под моей пекарней... триста лет...» — как заезженная пластинка. Бабушка Нина сказала ему: «Глеб, останься здесь. Если кто-нибудь придёт — скажи, что мы в подвале, инвентаризация. Не пускай никого вниз. Мы вернёмся». Дядя Глеб кивнул — машинально, как человек, который не слышит, но соглашается. Он сел на мешок с мукой и уставился в стену, как медитирующий монах.

Лада, бабушка Нина, Степан Варфоломеич и Барсик вошли в проход. Проход был такой же, как под домом — низкий, узкий, каменный, со сводчатым потолком. Но здесь было суше — воздух шёл тёплый и ровный, и запах — дерево, железо, старая пыль — был гуще, плотнее, как в мастерской, которую закрыли и не открывали сто лет. Лада шла первой — с фонариком, луч которого уходил вперёд и тонул в темноте через три метра. Барсик бежал перед ней — рыжий, пушистый, бесстрашный, как разведчик, который идёт первым, потому что не боится ничего, кроме пылесоса и огурца.

На двадцатом шаге проход начал расширяться — постепенно, как река, которая выходит из ущелья в долину. Потолок поднимался, стены расходились, и Лада почувствовала — пространство. Большое пространство — не коридор, не комната, а что-то огромное, как склад, как ангар, как... улица. Она подняла фонарик — луч ушёл вверх и потерялся в темноте, не доставая до потолка. «Высоко, — прошептала Лада. — Тут очень высоко». Степан Варфоломеич, шедший за ней, сказал — тихо, благоговейно, как человек, который входит в храм: «Это — улица. Не подвал. Не коридор. Улица. С домами. С крышами. Мы — внутри. Под землёй.

Триста лет». И Лада посветила вперёд — и увидела. Стену. Деревянную. Старую, тёмную от времени, с дверью — низкой, деревянной, с железной ручкой, чёрной от ржавчины. Первую дверь. Первое здание. Первую мастерскую Улицы Мастеровой.

Следы во дворе

Лада стояла перед первой дверью и не двигалась. Луч фонарика дрожал в её руке — мелко, как лист на ветру, — и выхватывал из темноты детали: деревянная стена, тёмная от времени, с трещинами, как морщины; дверь, низкая, с железной ручкой, чёрной от ржавчины; порог — каменный, стёртый посередине, как ступеньки в доме Лады. Стёртый. От ног. Триста лет назад люди ходили здесь, переступали через этот порог, открывали эту дверь, входили и выходили. А потом — ушли. И дверь осталась. И порог — стёртый, как память.

«Открываем?» — прошептала Лада, и голос её дрожал — не от страха, от трепета, как у человека, который стоит перед запечатанной гробницей фараона. «Открываем, — сказал Степан Варфоломеич, и его голос был твёрже, чем у Лады. — Тихон Варфоломеев запечатал эту улицу, чтобы сохранить. Не чтобы прятать навечно. Он хотел, чтобы кто-то пришёл. Кто-то, кто умеет искать. Мы — те, кто умеет».

Лада протянула руку и взялась за железную ручку. Ручка была холодная, шершавая, и ржавчина осыпалась под пальцами, как пепел. Лада потянула — дверь не поддавалась. Тянула сильнее — скрипнуло, как старая калитка, и дверь приоткрылась — на ладонь, на две, на три. Запах ударил — сухой, тёплый, густой, как в библиотеке, где книги лежат сто лет. Дерево, кожа, металл, масло — смесь запахов, от которых кружилась голова, как от парфюма. Лада толкнула дверь — она открылась полностью, тяжело, неохотно, как рот, который открывается, чтобы сказать первое слово после долгого молчания.

За дверью — мастерская. Небольшая — три на четыре метра, как кухня. Каменные стены, деревянный пол, потолок — выше, чем в проходе, но ниже, чем в комнате. В центре — наковальня. Чугунная, тяжёлая, тёмная от времени, с притёртой верхней площадкой, блестящей, как зеркало. Рядом — молоток, клещи, мехи для раздувания огня. На стенах — полки, а на полках — инструменты. Кузнечные. Молоты, зубила, напильники, клещи разных размеров — всё старинное, с деревянными ручками, потёртыми от ладоней, тёмными от времени. Всё целое. Всё на месте. Триста лет — и ни один инструмент не сдвинулся. «Кузница, — сказал Степан Варфоломеич, и голос его был тихим и благоговейным. — Первая мастерская. Кузница».

Лада вошла в кузницу. Осторожно, на цыпочках, как в музее, где нельзя трогать экспонаты. Пол скрипел — деревянные доски, старые, но крепкие, как доски корабля, который лежит на дне и не гниёт, потому что вода солёная. Здесь было сухо — воздух тёплый и ровный, и ни капли влаги. Триста лет — и дерево не сгнило. Степан Варфоломеич объяснил: «Тихон Варфоломеев знал, что делал. Он засыпал улицу сухой землёй — не мокрой, не глиной, а песком и сухой землёй. Сверху — слой глины, как крыша, чтобы вода не протекала. А внутри — сухой воздух, как в термосе. Поэтому всё сохранилось. Дерево не гниёт без влаги. Железо ржавеет медленно. Кожа сохнет, но не гниёт. Триста лет — и всё цело».

Лада тронула наковальню — холодная, тяжёлая, гладкая сверху, где металл притёрся от тысяч ударов молота. Она представила, как кузнец стоял здесь, триста лет назад, и бил — звенело, летели искры, и раскалённый металл гнулся, как тесто в руках дяди Глеба. Она подняла молоток — тяжёлый, с деревянной ручкой, тёмной от ладоней, и рукоятка была вытерта — ямка, где ложился большой палец, бороздка, где обхватывали пальцы. «Тут работал кузнец, — сказала Лада, и голос её был тихим и уважительным, как в церкви. — Триста лет назад. Он делал подковы, гвозди, замки. И ушёл — и всё осталось».

Барсик прыгнул на наковальню — бесшумно, как все коты, и сел, свесив лапы, как король на троне. Он огляделся — зелёными глазами с янтарной искрой — и муркнул. Не просто муркнул — а как будто одобрил. «Барсик говорит, что кузница ему нравится, — перевела Лада. — Он бы здесь жил, если бы было тепло и еда». Бабушка Нина улыбнулась. «Коты всегда выбирают лучшие места. Это у них врождённое. Барсик — наш компас. Если Барсик сел — значит, место хорошее. Идём дальше — посмотрим, что за следующей дверью».

Они вышли из кузницы и пошли по улице. Улица. Лада остановилась и огляделась. Это была — улица. Настоящая. Не коридор, не подвал, не туннель — улица. Широкая — метров пять, как обычная улица в Старогорске. С двух сторон — дома. Деревянные, одноэтажные, с дверями и окнами — окнами! Маленькими, с ставнями, закрытыми, как глаза, которые спят. Крыши — деревянные, тёмные от времени, с мхом по краям, как седина. И — мостовая. Каменная. Не асфальт, не булыжник — плиты, большие, плоские, уложенные ровно, как паркет. И между плитами — трава. Сухая, жёлтая, как солома. Триста лет — и трава выросла в щелях, и засохла, и осталась, как в гербарии.

«Это — Улица Мастерская, — сказал Степан Варфоломеич, и голос его дрожал, и слёзы катились по морщинам, и он не вытирал их, потому что руки были заняты — он трогал стены, как слепой, который ощупывает лицо любимого человека. — Десять домов с каждой стороны. Двадцать мастерских. Кузнец, плотник, каменотёс, переплётчик, литейщик, гончар, ткач, шорник, бондарь, жестянщик. Каждый — мастер. Каждый — делал своё дело. И когда пришёл указ засыпать улицу — они не стали разбирать. Они закрыли двери, забили окна ставнями, оставили инструменты и ушли. Тихон Варфоломеев засыпал улицу сверху — и она осталась. Как ракушка на дне моря. Как янтарь с мухой внутри. Триста лет».

Лада шла по мостовой и считала дома. Первый — кузница, они уже видели. Второй — плотницкая. Дверь была приоткрыта, и Лада заглянула: верстак, большой, дубовый, с тисками и рубанками. Тёплая, золотистая пыль — стружка, сухая, как лента, лежала на полу, как волосы. Третий — каменотёсная. Зубила, молотки, каменные заготовки — прямоугольные, гладкие, как кирпичи, но не обожжённые. Четвёртый — переплётная. Лада остановилась. Переплётная — это где переплетают книги. Она толкнула дверь — открылась легко, будто её открывали вчера.

Переплётная мастерская была маленькой — два на три метра, как чулан. Но в ней было — всё. Верстак, узкий, с кожаной подкладкой, потёртой от работы. На полках — инструменты: ножи для резки бумаги, костяные ложила для разглаживания, иглы большие и маленькие, катушки с нитками — льняными, толстыми, пожелтевшими от времени, но целыми. И — книги. Не готовые книги — а части. Обложки — деревянные, с кожаными корешками, тиснённые, с золотом, потускневшим, но не стёршимся. Стопки страниц — сшитые, но не переплетённые. Листы пергамента — чистые, белые, как снег, который не тает. И на верстаке — начатая книга. Переплётчик работал над ней — и ушёл, не закончив. Книга лежала, раскрытая, как птица с одним крылом, и ждала — триста лет.

Лада тронула страницу — осторожно, кончиками пальцев, как трогают бабочку. Пергамент был тонкий, гладкий, тёплый — не бумага, а выделанная кожа, как пергамент в древних книгах. «Бабушка Нина, — прошептала Лада, — тут книга. Незаконченная. Переплётчик не доделал и ушёл». Бабушка Нина подошла, поправила очки и склонилась над книгой. Она смотрела долго — минуту, две, три, как врач, который изучает рентгеновский снимок. Потом сказала — тихо, с благоговением: «Это не просто книга. Это — летопись. Я вижу первую страницу

— «Летопись Старогорска». Переплётчик переплетал летопись. Он не закончил — может, его позвали, может, пришёл указ. Он ушёл, и книга осталась. Триста лет. Незаконченная летопись Старогорска. Лада, ты понимаешь? Это — то, что я искала тридцать лет».

Степан Варфоломеич стоял в дверях и молчал. Его голубые глаза были яркими и влажными, как два озера после дождя. Он искал эту улицу двадцать лет — и нашёл. Но не он нашёл — Лада нашла. Девочка с фонариком и котом. «Я искал, — сказал он, и голос его был тихим и хриплым, — но не дошёл. Завал преградил дорогу. Ты дошла. Ты — наследник. Тихон Варфоломеев писал: «Кто ищет — найдёт». Ты — нашла». Лада посмотрела на него и сказала — просто, как говорят правду: «Я не одна. Барсик, бабушка Нина, вы. Мы вместе нашли. Вместе — это не один».

Лада записала в блокнот: «Дело 3. Улица Мастеровая. Найдена. Под пекарней дяди Глеба. Десять домов с каждой стороны, двадцать мастерских. Первые четыре: кузница, плотницкая, каменотёсная, переплётная. Все целые, инструменты на местах. В переплётной — незаконченная «Летопись Старогорска». Нужно осмотреть все мастерские. Нужно найти то, что Степан Варфоломеич искал двадцать лет. Что? Он не сказал. Нужно спросить». Они вышли из переплётной и пошли дальше. Лада считала дома — пять, шесть, семь. Пятый — литейная. Лада заглянула: печь, маленькая, кирпичная, с трубой, уходящей в стену. Тигли — глиняные горшки для плавки металла, целые, с остатками бронзы на дне. Формы — песчаные, с оттисками — пуговицы, замки, ключи. Шестой — гончарная. Гончарный круг — деревянный, с каменным маховиком, тяжёлым, как жернов. И на полках — горшки, миски, кувшины. Целые, без трещин, с глазурью — зелёной, жёлтой, коричневой, блестящей, как стекло. Триста лет — и глазурь блестит. Седьмой — ткацкая. Ткацкий станок — большой, деревянный, с нитями, натянутыми, как струны. Нити пожелтели, но не порвались. И на станке — кусок ткани, незаконченный, с узором — красные и белые нити, как праздничный наряд. Лада шла по улице, и каждая мастерская была как открытая книга — страница за страницей, глава за главой. Восьмой — шорная. Шорник делал сёдла, уздечки, ремни. Кожаные заготовки висели на стенах, сухие, жёсткие, как доски, но целые. Девятый — бондарная. Бондарь делал бочки. Деревянные, дубовые, с железными обручами, ржавыми, но не рассыпавшимися. Десятый — жестяная. Листовой металл, ножницы по металлу, формы для посуды. И — последний дом. Десятый, с левой стороны. Дверь была закрыта — плотно, как будто её заперли на замок. И на двери —

знак. Восьмиконечная звезда. Вырезанная в дереве, глубокая, чёткая, как печать. «Тихон, — прошептал Степан Варфоломеич. — Это дом Тихона Варфоломеева. Его собственная мастерская. Он был строителем — но и мастером. Он делал замки. И ключи».

Под пекарней

Лада стояла перед дверью с восьмиконечной звездой и чувствовала, как медный значок на шнурке — у неё на шее — стал теплее. Не горячий, не обжигающий, а теплее, как будто внутри него что-то проснулось, как зверь, который услышал зов. Лада приложила значок к двери — к звезде, к дереву, к старому, тёмному, прохладному от подземного воздуха. И значок — щёлкнул. Тихо, коротко, как замок, который открывается после долгого ожидания. Дверь не двинулась — но Лада почувствовала: замок открыт. Она толкнула дверь — и дверь открылась.

Мастерская Тихона Варфоломеева была больше других — пять на четыре метра, как большая кухня. Каменные стены, деревянный пол, потолок выше, чем в остальных мастерских — три метра, как в настоящей комнате. В центре — верстак, большой, дубовый, с железными тисками и медной лампой, холодной, не горящей. На стенах — полки, а на полках — замки. Десятки замков. Медные, железные, бронзовые, латунные — маленькие и большие, с ключами и без, с гравировкой и без. Замки-ящики, замки-дверцы, замки-сундуки. И — ключи. Десятки ключей, висящих на крючках, как фрукты на дереве. Каждый — разный: каждый — для своего замка. Тихон Варфоломеев делал замки и ключи. Он был мастером замков. И — хранителем.

«Он был не просто мастер, — сказала бабушка Нина, и голос её был тихим, как шёпот в библиотеке. — Он был хранитель. Замки — это не просто железо. Замки — это стражи. Они охраняют. Тихон охранял тайны Старогорска. Каждый замок — для двери, для ящика, для хранилища. И каждый ключ — к своему замку. А все вместе — к подземному городу. Тихон был не просто строителем. Он был — архитектор тайн».

Степан Варфоломеич ходил по мастерской — медленно, касаясь стен, как слепой, который читает лицом. Он остановился у верстака и провёл пальцами по поверхности — гладкой, отполированной от работы, с ямками и бороздками, как следы от инструментов. «Я искал эту мастерскую двадцать лет, — сказал он, и голос его был тихим и хриплым, и борода тряслась. — Не улицу — мастерскую. Потому что в мастерской Тихона — то, что открывает все двери. Не ключи — а то, что делает ключи. Чертежи. Инструменты. И — печать. Золотая печать Тихона Варфоломеева. Ключ ко всем замкам. Ключ ко всем дверям».

Лада искала печать. Она открыла ящики верстака — один за другим, осторожно, как сапёр, который разбирает бомбу. В первом — инструменты: маленькие молоточки, пиночки, щипчики, свёрла — тонкие, как иголки. Во втором — чертежи. Сложенные вчетверо, на тонкой бумаге, пожелтевшей, с линиями и знаками, как на карте. Лада развернула — и увидела. Чертёж замка — не обычного, а сложного, с шестерёнками и рычажками, как часы. И рядом — чертёж ключа. И подпись — старославянской вязью, аккуратной, как у каллиграфа: «Тихон Варфоломеев. Замок хранилища главного. Ключ золотой».

«Золотой ключ! — Лада подпрыгнула, и Барсик, дремавший на верстаке, поднял голову и посмотрел на неё с укоризной. — Бабушка Нина, Степан Варфоломеич, тут чертёж золотого ключа! К главному хранилищу! Того, что под крепостью на холме!» Степан Варфоломеич подошёл и взял чертёж — руки дрожали, и бумага тряслась, как лист на ветру. Он смотрел долго — минуту, две, три, как человек, который нашёл карту сокровищ и не верит. «Я знал, — прошептал он. — Я знал, что золотой ключ существует. Но не знал, где чертёж. И не знал, как ключ сделан. Теперь — знаю. Теперь — можно найти ключ. Или сделать новый».

Третий ящик был заперт — маленьким замком, медным, с восьмиконечной звездой. Лада посмотрела на значок — медный, на шнурке. Посмотрела на замок. Одинаковые. Она приложила значок к замку — и замок щёлкнул, как дверь. Она открыла ящик. Внутри — бархатный мешочек, маленький, тёмно-синий, с золотой вышивкой — восьмиконечная звезда. Лада развязала шнурок и высыпала содержимое на ладонь. Печать. Золотая. Круглая, с ручкой, как печать для сургуча. На дне — гравировка: крепость с башнями и восьмиконечная звезда над ней. И надпись по кругу — мелкая, чёткая: «Тихон Варфоломеев. Строитель и хранитель Старогорска».

Лада держала печать на ладони и чувствовала — тяжёлая. Не просто от золота, а от смысла. Триста лет эта печать лежала в ящике, в мастерской, под землёй, и ждала. Ждала того, кто откроет ящик, кто приложит значок, кто найдёт. Лада закрыла ладонь и почувствовала, как печать греет руку — тёплая, как живая, как будто внутри неё горел огонёк, как в медном значке.

«Что делать с печатью?» — спросила Лада. Бабушка Нина и Степан Варфоломеич переглянулись. Бабушка Нина сказала — медленно, взвешивая слова, как на весах: «Печать — это не просто знак. Печать — это власть. Тихон Варфоломеев запечатывал документы, хранилища,

двери. Кто имеет печать — тот имеет доступ. Ко всему. К подземной библиотеке под рекой, к хранилищу под крепостью, к главным тайнам Старогорска. Печать — ключ к ключам». — «То есть, — Лада посмотрела на печать, — если я приложу эту печать к двери, к замку, к чему-то — оно откроется?» — «Не сразу, — сказал Степан Варфоломеич. — Печать — не отмычка. Печать — это разрешение. Она открывает то, что запечатано ей. Замки Тихона сделаны так: каждый замок открывается своим ключом, но запечатывается — печатью. Без печати замок можно открыть ключом. Но без печати нельзя узнать, настоящий ли ключ. Печать — это подпись. Доверие. Печать говорит: «Этому человеку можно доверять. Этому человеку можно открыть»».

Лада записала: «Золотая печать Тихона Варфоломеева. Найдена в мастерской, в третьем ящике. Открывается медным значком. Значение — ключ к ключам, разрешение, доверие. Нужно найти все двери, запечатанные печатью». Барсик муркнул — одобрительно, как будто сказал: «Хорошая запись. Правильная». Лада погладила его по голове — машинально, не глядя, как гладят того, кто всегда рядом.

Барсик сидел на верстаке и наблюдал — за Ладой, за бабушкой Ниной, за Степаном Варфоломеичем. Его зелёные глаза с янтарной искрой были полуприкрыты, но уши — торчком, как антенны, и поворачивались, ловя каждый звук. Иногда он наклонял голову — набок, как собака, которая слышит незнакомое слово, — и Ладе казалось, что Барсик понимает. Не слова — а смысл. Не смысл — а настроение. Когда Лада была возбуждена — Барсик муркал громко. Когда задумывалась — затихал. Когда боялась — подходил и тёрся о ногу. Он был не просто кот. Он был — компас. Навигатор. Товарищ, который идёт рядом и молчит, потому что молчание — тоже поддержка.

Они провели в мастерской Тихона два часа. Бабушка Нина разбирала чертежи — один за другим, разворачивая на верстаке, как карты. Чертежи были — замки, ключи, двери, хранилища. И — карта. Не та, что в медном ящике — другая, подробнее, с обозначениями, которые бабушка Нина разбирала с трудом, по слогам, как первоклассник, который учится читать. «Вот, — сказала она, показывая на точку на карте. — Хранилище под рекой — мы его нашли во второй книге. Вот — хранилище под крепостью на холме. А вот — третье хранилище. Под полями, на востоке от города. Три хранилища. Три ключа. Три двери».

Степан Варфоломеич стоял у стены и смотрел на полку — нижнюю, самую незаметную, где лежали не замки и ключи, а книги. Тонкие, в кожаных переплётках, с тиснением — вось-

миконечная звезда. Он снял одну — раскрыл — и Лада увидела почерк: мелкий, аккуратный, как бисер, старославянской вязью. «Журнал, — сказал Степан Варфоломеич, и голос его дрожал. — Журнал Тихона Варфоломеева. Он записывал всё — что делал, что строил, что прятал. Дневник. Триста лет». Он перелистывал — медленно, осторожно, и Лада заглядывала через плечо и видела записи, даты, имена, рисунки — маленькие, чёткие, как штампы. И одну запись, обведённую красными чернилами, как будто Тихон хотел подчеркнуть: «Если кто найдёт сие — знай: всё, что я спрятал, спрятано для тебя. Не для богатства — для памяти. Старогорск — город памяти. Кто помнит — тот живёт. Кто забывает — тот пропадает».

Лада почувствовала, как по щеке катится слеза — горячая, быстрая. Тихон Варфоломеев писал это триста лет назад — и писал для неё. Для Лады. Для девочки, которая будет жить в его доме, которая найдёт его значок, его ящик, его улицу. «Он знал, — прошептала Лада. — Он знал, что кто-то придёт. И написал — для нас. Для тех, кто будет искать». Бабушка Нина обняла её — тихо, молча, как обнимают, когда слова не нужны. Барсик потёрся о ногу Лады — мурлыча, тихо, как маленький мотор, и это мурлыканье было лучше любых слов.

Они вернулись наверх усталые, но счастливые — как исследователи, которые нашли затерянный город. Дядя Глеб ждал их у входа в подвал — бледный, с кружкой чая, и когда они вышли — живые, в пыли, с фонариками и блокнотами — он ахнул и чуть не выронил кружку. «Нашли?» — спросил он, и голос его был хриплым, как у Степана Варфоломеича после двадцати лет под землёй. «Нашли, — сказала Лада. — Улицу. Мастерскую. Печать. Дядя Глеб, под вашей пекарней — город. Триста лет. Целый город».

Дядя Глеб сел на мешок с мукой и молчал — минуту, две, три, как человек, которому сказали, что под его домом — клад, и он не знает, плакать ему или смеяться. Потом сказал: «Город... под моей пекарней... триста лет...» — и покачал головой, как старик, который не верит новостям. Потом встал, прошёл к входу в подвал, посмотрел вниз — на лестницу, на темноту, на тусклую лампочку — и сказал: «Я хочу видеть. Сам. Сейчас». Бабушка Нина положила руку ему на плечо: «Завтра, Глеб. Сегодня — поздно. Дети устали. Я устала. Степан Варфоломеич устал. Завтра — придём вместе, и я покажу тебе всё. Каждую мастерскую. Каждый инструмент. Каждый замок».

Лада, бабушка Нина, Степан Варфоломеич и Барсик вышли из пекарни. Был вечер — солнце садилось, и небо было красно-золотым, как костёр, и клёны стояли в золоте, как дере-

вья из сказки. Лада шла и чувствовала — печать в кармане, тяжёлая, тёплая, живая. Журнал Тихона — в рюкзаке, у бабушки Нины. Карта — в медном ящике, дома. Три ключа, три хранилища, три двери. Два найдены. Третье — впереди. «Бабушка Нина, — сказала Лада, и голос её был тихим, но твёрдым, как камень. — Третье хранилище. Под полями, на востоке. Мы пойдём?» Бабушка Нина улыбнулась — краем рта, как всегда. «Пойдём, — сказала она. — Но сначала — спать. Сыщик без сна — не сыщик, а зевака». Барсик муркнул — согласился. Полностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.